ГЛАГОЛИЦА св. КИРИЛЛА:
к истокам славянской духовности

К проблеме рецепции кирилло-мефодиевского наследия — с. 16; В преддверии славянской письменности — с. 21; Религиозно-философское обоснование символизма глаголицы — с. 24; Понятие о символической матрице глаголицы — с. 28; Глаголическая модель Вселенского круга — с. 34; Заключение — с. 38

Славянская палеография, в прошлом частная наука об истории письма, обогащаясь положениями семиотики, символологии, герменевтики, религиоведения, сегодня преодолевает формальный подход и становится дисциплиной культуроцентричной, общезначимой. Она выявляет не только эволюцию форм письма, но и ценностные основания славянской книжной традиции. Предметная область данной науки такова, что она не может интересовать только специалистов, ибо сердцевину ее составляет вопрос о кирилло-мефодиевском наследии. Историк Ф.И. Успенский справедливо назвал проблему происхождения славянской письменности «никогда не стареющей и постоянно обладающей интересом современности». Он убежден, что «*отношение образованного общества к вопросам, связанным с деятельностью Константина-Кирилла, должно служить показателем нашей научной и политической зрелости*»[1]. Нынешнее переломное время, в котором соединились глобализация и мировой кризис и которое становится началом поиска нравственных оснований мироустройства, заостряет этот императив. Обращение к истокам славянской духовности, осмысление ценностной системы, запечатленной в первой славянской азбуке, сегодня значимо и для славянского мира (Pax Slavia). Таково основание самоидентификации, консолидации славянства и восприятия славянской культуры другими народами.

Цель данной *статьи* в том, чтобы, опираясь на известные науке факты о начальном этапе славянской книжной традиции, представить осуществленную автором реконструкцию христианского символизма глаголицы. Этот вопрос является предметом обсуждения в течение двух последних десятилетий, поскольку сложившиеся традиционные подходы не способствуют видению и пониманию этой азбуки как сакрально-символической системы христианства. Однако христианский символизм, онтологичность и эстетическое совершенство глаголицы, выявленные на основе установленных структурных особенностей объекта, являются новыми аргументами, обоснованиями содержательного порядка, которые свидетельствуют о рациональном характере этой азбуки и подтверждают ее атрибуцию св. Кириллу. Напоминание о духовном наследии св. Кирилла сегодня имеет особый знаменательный повод: 14 февраля 2009 г. исполнилось 1140 лет со времени его кончины.

К проблеме рецепции кирилло-мефодиевского наследия

Текст культуры каждым новым поколением воспринимается сквозь призму своего времени и прочитывается заново. Каково отношение нашего общественного сознания к кирилло-мефодиевскому наследию сегодня? Восстановлена ли связь с благодатным источником апостольского слова св. Кирилла, стала ли она путеводным ориентиром? В смысле созидаемой традиции чествования святых — несомненно. Мы стали свидетелями учреждения и утверждения государственного праздника Дня славянской письменности, с 1986 г. торжественно отмечаемого в стране. За два десятилетия были возведены храмы и памятники в честь свв. Кирилла и Мефодия. Значительных успехов достигла академическая палеославистика в изучении кирилло-мефодиевского наследия. В научных и учебных центрах проводятся Кирилло-Мефодиевские чтения, свидетельствующие о развернутых исследованиях в области письменной культуры славянских народов*.

---

[1] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи: Период македонской династии. М., 1997. С. 49.

* Показательны следующие данные, почерпнутые в сети Интернет: в мае 2008 г. в Элисте состоялись VI чтения памяти свв. Кирилла и Мефодия, во Владивостоке и Ханты-Мансийске — VIII чтения, в Краснодаре — XIV; в Москве, в Институте русского языка им. А.С. Пушкина и в МГПУ прошли IX, на философском ф-те МГУ — XIX, а в Самаре — XXX Кирилло-Мефодиевские чтения.

На фоне очевидных достижений отношение «образованного общества» к вопросу о первоначальной славянской азбуке является показателем все еще недостаточной по выражению Ф.И. Успенского «зрелости» нашего общества. В мировой палеославистике в результате длительных изысканий на протяжении более двух столетий (в значительной мере благодаря трудам российских ученых) обосновано положение, что первой славянской азбукой, созданной св. Кириллом, является глаголица[2]. Тем не менее сегодня по этому вопросу вновь возобновляются дискуссии, а некоторые «авторитетные» сайты, ориентированные на широкую аудиторию, пестрят мнениями о нерешенности проблемы. Невольно приходят на память гоголевские строки: «И сколько раз уже наведенные нисходившим с небес смыслом они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону... Не зря, что небесным огнем исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква.., но смеется текущее поколение и самонадеенно, гордо начинает ряд новых заблуждений...»[3].

Не по причине ли затянувшейся «нерешенности проблемы» стали тиражироваться у нас мифы вроде того, что Кирилл и Мефодий не были просветителями славян, что русское письмо якобы возникло до них. Иные относят глаголицу к готским рунам, а то и объявляют ее древнейшим письмом в мире. Тем временем мы продолжаем 24 мая в ходе государственного праздника чествовать славянского Первоучителя как составителя кириллицы, доходя подчас до казусов. Так, увековеченный в бронзе святой послушно держит свитки с современной русской азбукой в составе 33 букв (включая букву Ё, предложенную в 1796 г. Н.М. Карамзиным).

Современная кириллица, безусловно, достойна почестей. Но это не может быть основанием для забвения другой азбуки — глаголицы, на которой записаны самые древние из памятников славянской книжности. Прибегая к метафорическим образам, можно сказать, что кириллицу, составленную учениками св. Кирилла и получившую распространение у православных южных и восточных славян, мы чествуем как *историческое лоно* нашей культуры. Глаголица же, созданная св. Кириллом, есть *общий исток* славянской книжной традиции, ее символическая матрица. Более удобная для удовлетворения государственных нужд деловой и светской переписки, кириллица, некоторое время сосуществовавшая с глаголицей, со временем вытеснила первую славянскую азбуку. Так, несмотря на сохраненную память о создателе письма, постепенно были забыты начальные начертания глаголических букв, о которых современник Кирилла Черноризец Храбр писал, что это святые письмена, более святые, чем греческие буквы. Воспроизведем их здесь вместе с именами, которые относились к начертаниям этой азбуки[2*]:

Азъ, Боукы, Вѣдѣ, Глаголи, Добро, Єстъ, Живѣтє, Ѕѣло, Землѧ, Иже, И, Летитъ (Гѣрвь), Како, Людиє, Мыслитє, Нашь, Онъ, Покои, Рьци, Слово, Твръдо, Оукъ, Фрътъ, Хѣръ, Отъ, Пѣ, Цы, Чрьвь, Ша, Ієръ, Ієры, Ятъ, Хлъ, Тъ, Ѳ, Ѵ, Ѯ, Ѱ.

Возникает вопрос, основаны ли на чем-нибудь очередные заблуждения по поводу начальной истории славянской письменности? Ведь для любой версии нужны свои аргументы. Авторы мифосюжетов о докирилловском письме славян ссылаются на якобы обнаруженную «протоглаголицу» на артефактах IV–V вв. в районе Причерноморья, на строчку о «русских письменах» в Пространном житии Константина-Кирилла Философа, на упоминания о «чертах и резах» в Сказании Черноризца Храбра «О письменах» и пр. Приведенные вне исторического и научного контекста эти ссылки могут кем-то восприниматься всерьез, но на самом деле это ошибочное понимание исторического текста. Так называемые «причерноморские знаки», выдаваемые за «протоглаголицу», — они и докирилловская письменность у славян к глаголице не имеют отношения и *не идентичны ее начертаниям*,

[2] Об указаниях на старшинство глаголицы см.: *Ягич И.В.* Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. СПб., 1911. С. 69; *Кипарский В.О.* О происхождении глаголицы // Климент Охридски: Материали за неговото честване по случай 1050 години от смъртта му. София, 1968. С. 91–97; и др. См. также обоснование старшинства глаголицы: *Карпенко Л.Б.* Священная азбука Кирилла. Самара, 2004, а также в докторском диссертационном исследовании: *Карпенко Л.Б.* Глаголица как семиотическая система. СПб.: СПбГУ, 2000.

[3] *Гоголь Н.В.* Мертвые души // Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1968. С. 208.

[2*] В статье используется шрифт, разработанный автором на основе круглого почерка глаголицы. Порядок букв определен с учетом Азбучной молитвы, древнейшего акростиха, который связан с деятельностью св. Кирилла.

в чем нетрудно убедиться на конкретном материале[4]. Они представляют собой разнообразные метки (тамговые, ритуальные знаки) на артефактах разных культур и разных эпох (на амфорах, кровельной черепице, Фанагорийском надгробье, на скале, на Ольвийских львах и пр.), *не отражены в каких-либо текстах, не являются знаками письма* и, как это показала еще полвека назад Е.Э. Гранстрем, были собраны в один ряд *искусственно*[5].

Утверждения о дохристианской, докирилловской истории глаголицы на самом деле не имеют никаких оснований. Они противоречат всем источникам, которыми располагает палеославистика. Несмотря на то, что рукописи, относящиеся непосредственно к деятельности славянских первоучителей, утрачены, сохранившиеся памятники *в совокупности* служат достаточным основанием для восстановления исторических обстоятельств возникновения письма у славян.

Самые ранние кирилло-мефодиевские источники написаны на старославянском и латинском языках. Наиболее значимыми по информативности славянскими источниками являются агиографические произведения — Пространное житие Константина-Кирилла Философа и Пространное житие Мефодия (далее: ЖК и ЖМ), созданные современниками (ЖК написано в Великой Моравии между 869 и 882 гг. при участии Мефодия, а ЖМ — предположительно Климентом Охридским в Болгарии в конце IX в.). К таким источникам относятся также Краткое житие Кирилла (так называемое Успение Кириллово), служебные Похвальные слова Кириллу и Мефодию, Сказание Черноризца Храбра «О письменах», списки древнерусского летописного свода «Повести временных лет», в которой содержится запись о преложении книг, и др.

Латинские источники представлены посланиями римских пап, письмами Анастасия Библиотекаря, Итальянской легендой. Они написаны высшими лицами римской церкви, современниками солунских братьев, и являются точно документированными свидетельствами. Византийские источники о просветительской миссии Кирилла и Мефодия не сообщают, однако имеются свидетельства о деятельности учеников. Из них наиболее значимыми являются Пространное житие св. Климента, созданное охридским архиепископом Теофилактом в конце XI в., и Краткое житие св. Климента, написанное архиепископом Дмитрием Хоматианом в начале XIII в. Последнее содержит важное для понимания истории появления кириллицы упоминание о том, что Климент нашел буквы более ясные, чем св. Кирилл. Эта запись в соотнесении с другими данными служит основанием для предположения о том, что кириллица появилась в эпоху правления царя Симеона в Болгарии и была составлена св. Климентом на основании глаголицы.

В связи с источниками возникает необходимость коснуться вопроса о достоверности их истолкований. Интерпретация древнего текста всегда представляет асиологическую задачу воссоздания ценностного смысла источника во всей его полноте. Текст есть структурно организованное целое, характеризующееся признаками единства (содержательного, логического и др.), целостности, связности, завершенности. Он адресован конкретному читателю, строится на основе определенной идеи, представляющей собой ядро авторского замысла наделен отчетливо выраженной целеустановкой. Все эти особенности присущи и древнеславянским памятникам, какими являются Пространное житие Константина-Кирилла Философа и Сказания Черноризца Храбра «О письменах», созданные специально с целью прославления св. Кирилла как создателя первых славянских письмен. Содержательно они представляют собой цельные по замыслу тексты. Из этого следует, что, во-первых, *интерпретация фрагмента должна осуществляться в широком контексте целого*, во-вторых, *если понимание фрагмента противоречит общей идее текста, оно некорректно*.

Изолированное прочтение отдельных выражений в отрыве от общего контекста нередко создает искаженное их понимание и порождает поводы для дискуссий. Так, с ошибкой прочтения *по чину греческих* в тексте Сказания Черноризца Храбра «О письменах» связана изжившая себя идея старшинства кириллицы. В тексте Храбра о Кирилле Философе сказано: «**и сътвори имъ л. и. и. письменъ, ова убо по чину греческих писменъ, ова же по словеньстей**

[4] Ср. таблицы «причерноморских знаков» (*Константинов Н.А.* Черноморсике загадочные знаки и глаголица // Уч. записки ЛГУ. Сер. филол. Вып. 23. 1957. № 197. С. 110–146) и таблицы глаголицы (*Илчев П.* Глаголица // Кирило-Методиевска енциклопедия: В 3 т. Т. I. София, 1985. С. 492–493).

[5] См. анализ и критику публикаций Н.А. Константинова: *Гранстрем Е.Э.* О происхождении глаголической азбуки // ТОДРЛ. Вып. XI. М.; Л., 1955. С. 301–302; *Илчев П.* Азбуки // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. С. 47–48.

речи». Это место нередко привлекается в подтверждение идеи, что Храбр говорит о кириллице, а не о глаголице. Однако при этом не учитывается весь контекст, из которого с очевидностью следует обратное. Путаница вызвана неправильным переводом *по чину* в значении «по образу». Однако слово *чин* в древнеславянских источниках используется в значении «порядок следования». Таково, например, его значение в Шестодневе Иоанна Экзарха: **часъı дрѹгъ дрѹга по чинѹ прeминѹiотъ. по семоу ѕаконоу и дни и нощи храниатъ чинъ тои**[6]. Корректный перевод фрагмента следующий: «И создал для них тридцать восемь букв — одни по ряду греческих букв, другие по славянской речи». При переводе «по образу греческих письмен» искажается весь смысл фрагмента, возникает ошибочное представление о том, что Кирилл создал кириллицу, буквы которой «по образу» соответствуют греческим.

Уникальность и ценность текста Сказания «О письменах» как раз и состоит в том, что он (в совокупной целостности своего содержания) дает ряд аргументов, бесспорно свидетельствующих, что Храбр пишет не о кириллице, а о глаголице, и подтверждающих старшинство именно глаголицы и ее атрибуцию Кириллу. На глаголицу указывает названный Храбром состав букв: многократно в тексте Храбр утверждает, что Кирилл создал тридцать восемь букв — именно столько их было в глаголице. На глаголицу указывают отдельные имена букв, которые присутствуют в составе только глаголицы, но их нет в кириллице (в частности, буква **Хлъ**, упоминаемая в Московском списке). И вся полемика, обращенная против эллинов (против «других», «окаянных», «безумцев», «не знающих точно, что говорят»), в которой отстаиваются преимущества славянской азбуки, ее творческая природа, свидетельствует также о глаголице. К кириллице это не может относиться, поскольку она основана на греческом алфавите[7].

Ошибочно видеть и в первой фразе Черноризца Храбра (**прѣжде оубо словѣние иє имѣхѹ писменъ, нъ чьртами и рѣѕами чьтѣхѹ и гатаахѹ погани сѹщиє**) указание на наличие письма у славян в докирилловскую эпоху. Смысл этой фразы прямо противоположный, утверждающий отсутствие букв у славян в эпоху язычества. «Ведь славяне, когда были язычниками, не имели букв, но с помощью черт и рез считали и гадали». Дальнейшее развертывание текста как раз и объясняет, как и когда св. Кирилл создал первые славянские письмена.

В литературе отражены сведения о том, что в VIII главе ЖК в сюжете о знакомстве Кирилла в Херсонесе с восточными языками (**Обрѣтъ же тоу єглиє и ѱалтирь рѹскъıми писменъı писано и члка обрѣтъ гліоща тоіо вєсѣдоіо**) имеется дефект текста. Наиболее правдоподобно высказанное Р.О. Якобсоном и поддержанное А. Вайаном предположение, что искажению подверглось слово *сурьскы*, поскольку в ближайшем контексте речь идет о двух других восточных языках — древнееврейском и самаритянском. Ошибка заключается в перестановке букв и написании *русьскы* вместо *сурьскы*. Отсюда и произошел миф о якобы найденных Кириллом в Херсонесе «русских письменах»[8]. Эта очевидная ошибка, какие не редкость в древних памятниках, совершенно не согласуется с общим содержанием текста. В нем не только нигде не сказано об использовании Кириллом в качестве образца для своей азбуки русских букв, но, напротив, подчеркнута его заслуга как первосоздателя славянской азбуки. Весь отрывок построен на основе приема градации, характерного для текста ЖК, и сирийский язык здесь упоминается после древнееврейского и самаритянского как освоенный Кириллом самый древний в понимании средневекового книжника и наиболее трудный для изучения язык (вспомним упоминание сирийского языка у Черноризца Храбра как языка, который был «в начале» и на котором говорил Адам).

И источники, и опыт двух с половиной столетий их изучения свидетельствуют о том, что до миссионерской деятельности равноапостольных святых братьев у славян *развитой* письменности не было. Развитой, то есть приспособленной для фиксации текстов, соответствующих понятию *книжности*. Исторической реальностью является именно то,

[6] См.: Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского: Ранняя редакция / Изд. Г.С. Баранковой. М., 1998. Л. 36, 17.

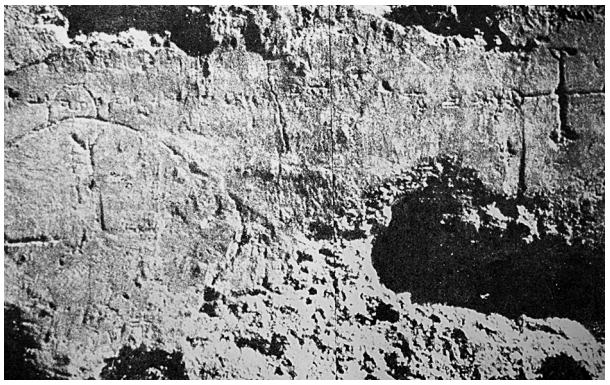
[7] См. подробный анализ текста: *Карпенко Л.Б.* Сказание «О письменах» Черноризца Храбра как источник изучения глаголической проблемы // Преславска книжовна школа. Шумен: Университетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2004. С. 172–183.

[8] Разбор ранее высказанных гипотез см.: *Флоря Б.Н.* Комментарии к Житию Константина // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 115–117.

что древнейшие славянские рукописи, дошедшие до нас (они условно датируются X в.), написаны глаголическим письмом на старославянском языке, иначе называемом древнецерковнославянским, древнеболгарским, общеславянским литературным языком. Сами названия говорят о функциональном назначении этого богослужебного по происхождению языка, его народно-разговорной основе и наднациональном, общеславянском характере.

Объективно существует двусторонняя связь между понятиями «древнецерковнославянский язык» и «глаголица». Эта связь обнаруживает себя прежде всего в том, что на глаголице написаны самые древние церковнославянские тексты. Кроме того, древнеславянская глаголица периода старославянской книжности X–XI вв. (и позднее — древнерусской) имеет характер исключительно *сакрального христианского* письма. Это подтверждается как содержанием рукописей, так и традицией их хранения в монастырях Афона и Синая вплоть до XIX–XX вв.

Древнейшими старославянскими глаголическими памятниками (они преобладают над кириллическими — как рукописные, так и эпиграфические — и по языку старше кириллических) являются памятники церковнославянской книжности, своим происхождением связанные с кирилло-мефодиевской традицией. Это известные эпиграфические памятники конца IX в. — начала X в, обнаруженные на территории Болгарии: христианская молитвенная формула и глаголический абецедарий на стене Круглой церкви Преслава, надписи в церкви с. Мурфатлар, отдельный буквы в надписях из с. Цар Асен, с. Крепча и др.

Преславский абецедарий
Снимок глаголического ряда на стене Круглой церкви в Преславе (из работы И. Гошева)

Самые ранние древнерусские глаголические эпиграфические памятники (молитвенные формулы в Новгородском Софийском соборе и Киевском Софийском соборе), а также древнехорватская эпиграфика относятся ко второй половине XI в. Древнейшие рукописные памятники глаголического письма — тексты богослужебного содержания (Ассеманиево евангелие, Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Синайская псалтырь, Сборник Клоца и др.) предположительно датируются X–XI вв.

Языковые особенности, последовательно отражены в древнейших памятниках глаголического письма (южнославянские рефлексы [шт] и [жд] на месте *tj, *dj; сохранение носовых; отражение широкого произношения звука [ě] и др.; лексические и синтаксические болгаризмы). Они ясно обозначают южнославянскую, болгаро-македонскую, народно-разговорную основу старославянского языка и исключают восточнославянское (древнерусское) происхождение глаголицы.

Не только *до Кирилла и Мефодия славяне не имели своей книжности, они не располагали и собственным литературным языком, на котором могла бы быть создана книжность*. Это важнейшее с филологической точки зрения обстоятельство не учитывается теми, кто продолжает эксплуатировать тему «русских письмен», рассуждая в таком ключе, будто Кирилл в Херсонесе позаимствовал буквы для славян у некоего человека, упоминаемого в ЖК. Славянской исторической филологии не известны памятники книжности (тем более христианские богослужебные) на древнерусском языке, которые не являлись бы продолжением кирилло-мефодиевской традиции и не были бы вторичны по отношению к ней. Древнейшие датированные рукописи, написанные на Руси, — Остромирово евангелие (1056–1057), Изборник Святослава 1073 г., Изборник Святослава 1076 г. и др. — представляют собой списки со старославянских (древнеболгарских) оригиналов. Найденная на новгородских раскопках Псалтырь на воске В.Л. Яниным условно датируется началом XI в.

Осознание значения Кирилло-Мефодиевского наследия (азбуки, церковнославянского языка и древнеславянской литературы) для развития русской культуры присутствует уже в оценках древнерусских летописцев. Древнерусский книжный язык воспринимался летописцами как *тот*

же самый язык, славянский, что был создан св. Кириллом, язык Священного Писания. Как и в более поздний период русского Предвозрождения, о котором пишет Д.С. Лихачев, «русские читали болгарские и сербские произведения, как и свои». Церковнославянские по своей основе, языки восточных и южных славян «еще не достигли той степени дифференциации, при которой они могли восприниматься как различные языки»[9].

Само летописание на Руси возникает с момента осознания вхождения в Священную историю. И среди первых летописных записей содержится сообщение о том, что в 988 г. князь Владимир при крещении «нача научение книжное» («Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку 1377 г.). Это свидетельство древнерусского летописца подтверждает прямую зависимость распространения книжной традиции на Руси от официального крещения. Что касается более раннего периода, то нет оснований говорить о развитой письменности у восточных славян до крещения и, тем более, в докирилловскую эпоху. Ничего не меняют в вопросе о формировании *письменной традиции* эпиграфические находки на фрагментах керамики, пряслицах и других предметах материальной культуры, а также надписи с использованием греческих букв. Разрозненность этих находок, характер эпиграфических источников (знаки, метки, монограммы), единичность надписей[10] — согласуются с общепринятым в палеославистике положением, что развитая письменность у славян, вылившаяся в книжную традицию, связана была с христианизацией, созданием Церкви и становлением государственности.

В преддверии славянской письменности

Состояние накануне появления *своей письменности* у славян и ее ожидание засвидетельствовано древнеболгарским книжником Черноризцем Храбром в Сказании «О письменах». Значительное количество сохранившихся списков разных редакций — русской, болгарской и сербской — свидетельствует о широком распространении в древности этого памятника во всех уголках Славии. Популярность его в средневековой литературе можно объяснить документальностью, обилием точных сведений, а также патриотическим мотивом прославления создателей письма.

Автор воспринимается как современник славянских первоучителей: **сжт бш єщє живи иже сж тъ видѣли иχ.** Эта строчка в Московском списке «Сказания» позволяет определить время его написания как конец IX — начало X в. Храбр с позиции своего времени дает ретроспективу исторического пути славянской письменности. Он говорит о трех его отрезках, которые соответствуют этапам становления религиозной культуры славян: период язычества, время крещения, когда использовали греческое и латинское письмо «без устроения», и время обретения *своих письмен*, впервые созданных Кириллом Философом.

Храбр называет «*прежним*» то прошлое, когда славяне были язычниками. Оно не имеет в повествовании измерения, по отношению к нему Храбр не употребляет слово **врѣмя**. Это «темный» период, когда славяне не имели письмен, а пользовались **чрътами и рѣзами** для счета и гадания.

Вхождение во время Храбр связывает с крещением, но до появления славянского письма длится долгий период *неустроенности*, неудобства, необходимости записывать свою речь латинским и греческим письмом «без устроения»[11]. Применение греческого и латинского письма «без устроения» усложняло восприятие священных текстов и не могло удовлетворять. «**нъ како можетьсє писати добрѣ грьчьскыми писмены. бъ и(л) жившть. или sѣлш. или цркшвь. или чааніє. или широта. или ıадь... или оудо. или юность. или єзыкъ**», — пишет Храбр, указывая на отсутствие в греческом алфавите букв для записи слов, наделенных ценностным смыслом и значимых для выражения вероучения.

Обретение своего письма приходит как спасение. Славяне, получив письмо, обрели собственное знание, сравнялись с другими народами: с егип-

[9] *Лихачев Д.С.* Обращение к «своей античности» // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I. С. 730.

[10] См. указание о том, что среди буквенных знаков не встречено ни одного, который бы отличал именно кириллическую письменность от греческой: *Медынцева А.А.* Надписи на амфорной керамике X — начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 180. См. также: *Толстой Н.И.* Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 129.

[11] Установлены факты, подтверждающие сведения Черноризца Храбра. Греческая азбука была какое-то время в употреблении у южных и восточных славян, латинское письмо имело хождение у западных славян (см.: *Флоря Б.А.* Указ. соч. С. 176).

тянами — открывателями геометрии; с ассирийцами, владеющими астрономией и медициной; с греками — обладателями философии, риторики и грамматики. По словам Храбра, Бог «по порядку», то есть «в свое время», даровал славянам особое знание — письмена для перевода книг Священного Писания. Славянское письмо выделено изначально, поскольку создано не как греческий алфавит — не язычниками, а *святым мужем* Кириллом Философом: **тѣм же словеньскаѧ писмена стѣйша сѹ(ть) и ч(с)тнѣиша. сѧ҃ть бо мѹжъ сотворилъ ѧ єсть. а греческаѧ еллини поганїи**. И момент обретения письма — это момент вхождения в священное время, о котором «все знают», вхождения славян в историю, которая только теперь и получает письменную фиксацию. Храбр с точностью очевидца и с гордостью посвященного свидетельствует: «Если же спросишь славянских букварей (книжников), кто вам создал буквы и перевел Книги, то все знают и в ответ скажут: «Святой Константин Философ, названный Кириллом, он и буквы сотворил и Книги перевел. И Мефодий, брат его. Ведь еще живы те, кто их видели. И если спросишь, в какое время, то и это знают и скажут, что во времена Михаила, цесаря греческого, и Бориса, князя болгарского, и Ростислава, князя моравского, и Коцела, князя блатенского, в лето от сотворения мира 6363».

Появление славянской письменности в связи с христианизацией славян исторически документировано не только сказанием Черноризца Храбра, но и житиями святых Константина-Кирилла и Мефодия, а также Итальянской легендой и буллами римских пап. Булла Иоанна Иоанна VIII от 880 г. подтверждает факт изобретения славянской азбуки Константином-Кириллом Философом и ставит его в прямую связь с христианизацией славян: Litteras denique sclavonicas a Constantino quodam philosopho repertas, quibus Deo laudes debitae resonent, iure laudamus; et in eadem lingua Christi... (Письмена славянские, наконец изобретенные покойным Константином Философом, чтобы с их помощью на этом языке возглашалась слава деяний Христа)[12]. Подобное сообщение повторяется в Итальянской легенде, а в более позднее время засвидетельствовано в болгарских, русских, сербских чешских и других источниках.

Таким образом, исторические источники, созданные в эпоху, близкую ко времени славянских просветителей, однозначно свидетельствуют, что целью апостольской миссии была организация славянской Церкви и первые славянские книги создавались для нужд организации литургии на славянском языке и изложения христианских догматов. И хотя этот факт не оспаривается, подчеркнем его в связи с обсуждением содержательной основы глаголицы. Обстоятельства, которые акцентировала наука советского периода (укрепление власти феодального класса, противодействие немецкой экспансии), имели значение исторических предпосылок для появления славянской азбуки, но они не определяли ее символизма, который был обусловлен христианским характером миссии солунских братьев.

Пространное житие Кирилла и Пространное житие Мефодия сообщают, что миссия в славянские земли была связана с событиями в Моравии. Необходимость поездки была вызвана обращением в Византию моравского князя Ростислава. Согласно ЖК, в переданной послами грамоте он просил Михаила III прислать учителей, способных обучить мораван, которые ранее уже были крещены баварским епископом, богослужению на славянском языке: «Людямъ нашимъ ся поганства отвергшимъ и по христианескъ ся законъ держащемъ, учителя не имамъ таковаго, иже бы ны в свой языкъ истую веру христианскую сказалъ... посли нам, владыко, епископа и учителя таковаго. От вас бо на вся страны въсегда добрыи законъ исходит». В ЖМ более подробно объясняются причины, побудившие Ростислава обратиться к Михаилу. Дело в том, что Моравия была наводнена проповедниками из разных земель (из влахъ, и из грькъ, и из немець), и те учили христианству каждый на свой лад, а славяне, «проста чадь», не имели своего учителя, который бы наставил народ в истине. Согласно Итальянской легенде, Ростислав обратился с просьбой в Константинополь именно потому, что знал об успехах Философа в Хазарии. В отличие от предшествующей миссии в Хазарию, где Философ участвовал в религиозных прениях как защитник византийского православия, теперь ему предстояло осуществить задачу исторического значения — заложить основы христианской культурной традиции на славянском языке. Император Византии призвал Константина Философа как богослова с уникальным миссионерским опытом, совершенным знанием Библии и языков. Но едва ли не самым важным обстоятельством

[12] Из буллы Папы Иоанна VIII от июня 880 г. // Сказание о начале славянской письменности. С. 197.

было то, что братья были родом из Солуни [«а все солуняне хорошо говорят по-славянски» (ЖМ)].

Согласно ЖК, император Византии Михаил III на соборе лично обратился к Константину Философу с просьбой возглавить миссию к славянам. Памятник воспроизводит напутствие императора, в котором сказано о незаменимости Философа в деле создания славянского богослужения и письма. Если прежде император осознает, что «другой дела не может *достойно* совершить», то на этот раз видит единственную возможность исполнения миссии: «Подобает тебе туда идти, ибо дела этого *никто иной совершить не сможет*».

Задачи предстоящей миссии требовали серьезной подготовки и большого напряжения — интеллектуального и нравственного. Сама идея ее допускала скрытую опасность быть осужденным в еретичестве. Организация литургии на славянском языке предполагала перевод Евангелия, Псалтыри, других богослужебных книг, для чего был нужен разработанный алфавит. Создаваемая для славян книжная и устная традиция христианского религиозного обряда требовала особого алфавита, который бы учитывал особенности фонетического строя не только славянского языка, но и греческого. Язык славянской Библии должен был точно воспроизвести сотни религиозно-философских терминов, воспринятых из греческого текста Библии. Без их использования невозможным оказалось бы выражение всей полноты содержания библейского текста. Создание славянской христианской письменной традиции предстояло начать «с азов». Оценка сложности задач, связанных с созданием азбуки, с переводом Библии на славянский язык, звучит во фразе Константина Философа: «Кто может записать на воде речь, и кто захочет прослыть еретиком?» (ЖК). Чтобы получить право на жизнь, славянская азбука должна была *явно отвечать* христианскому вероучению. Такой и явилась миру глаголица.

Как алфавит христианского текста азбука предназначалась для воспроизведения «**божественных глаголов**». Это, по моему мнению, и объясняет смысл названия «глаголица», происхождение которого до сих пор не получило объяснения. В связи с этим названием следует обратить внимание на слово «глагольник», употребленное Константином Философом в диспуте с триязычниками. Оно использовано в значении «переводчик», «толкователь» священного текста. В ЖК сказано: «Аще ли кто языком глаголеть по двема. Или зело по трем. Аще ли не будет глагольника да молчат в церкви». О себе Кирилл говорит именно как о глагольнике: «Хвалю бога, паче же всех вас глаголю языками». Название «глаголица» соотносится со словом «глагольник» как наименование азбуки священных текстов («божественных глаголов»), глаголица — это азбука глагольника Константина-Кирилла.

Весьма показательно, что создание азбуки передано в тексте ЖК как акт божественного откровения, как божественный дар, явленный Константину. Он единственный из всех, прежде искавших буквы для славян и не обретших их, по словам правителя Византии Михаила III, мог создать письмо, обращаясь к Богу «с правдою, умом и без сомнения». Автор ЖК пишет: **шє(д) жє филосѡ(ѳ). по пръвомѹ обычаю. на мⷣтвѹ сѧ наложи. и съ инѣми съпоспѣшникы. въскорѣ же всѧ емѹ бⷢъ іави. послѹша ѧ и мⷣтвы рабъ свои(χ). И тог(д)а сложи писмена. и нача бесѣдѹ писати єѵ(г)льскѹю. искони бѣ слово. и слово бѣ ѵ бⷢа. и бⷢъ бѣ слово. и прочаıа.** Из приведенного отрывка видно, что первой славянской книгой было Евангелие-апракос, начинающееся стихами Евангелия от Иоанна, которые читаются во время пасхальных служб.

Создание азбуки и перевод Кириллом и Мефодием Апостола и Евангелия на славянский язык
Миниатюра из Радзивилловской летописи. Л. 13

Запечатленный в первых славянских книгах только что созданный литературный язык обладал всеми достоинствами классического языка — строгой системностью, выразительностью и отточенностью грамматических форм, богатством словаря. Работая над переводами, первоучители формировали лексический фонд первого книжно-письменного языка. Они отбирали наиболее ценное из ресурсов славянской народной речи, создавали новые слова по моделям греческих и включали в словарь необходимые греческие обозначения религиозных понятий. Так в процессе их переводческой деятель-

ности рождался общеславянский литературный язык — древнецерковнославянский язык. О масштабе осуществленной первоучителями интеллектуальной работы свидетельствует тот факт, что в своем историческом развитии все славянские литературные языки формировались в дальнейшем под влиянием церковнославянского языка, наследуя его образные средства, лексику, словообразовательные модели. Русский литературный язык и сегодня хранит в основах словарного фонда унаследованную от древнецерковнославянского языка ценностную систему. Можно с уверенностью говорить, что церковнославянская лексика имеет определяющее значение для формирования и воспроизведения русской ментальной и языковой картин мира. Славянизмами являются многие слова, выражающие представления о пространстве и времени (***бесконечный, вселенная, пространство, восток, юг, вечный, будущий, время***), о жизненном пути (***жизнь, родители, родство, рождение, рожденный, младенец, юность, юноша, возраст*** и др.), о человеке «внутреннем», его духовных, творческих проявлениях (***учение, знание, смысл, разум, призвание, талант, творение, совесть*** и др.), о социальной среде, государстве, правовых категориях (***гражданин, единение, общение, человечество, отечество, право, правда***...). Эти и тысячи им подобных слов, формирующих сегодня русскую языковую картину мира, были впервые прописаны на глаголице.

Как отмечает В.Н. Топоров, «алфавит был приспособлен для передачи букв именно славянского языка и только для него, и решена эта задача была на высоком лингвистическом уровне — славянская азбука оказалась эффективным инструментом фиксации славянской речи, сводящим к минимуму избыточность и неопределенность письменной передачи ее»[13]. Фонологические достоинства азбуки Кирилла высоко оценивают и зарубежные филологи[14]. Бесспорно, что с этой стороны она была тщательно продумана. Ее фонологичность сказалась в последовательности и в составе знаков. Она очень точно отражает звуковой состав старославянского языка, фиксируя характерные согласные и гласные, включая древнеславянские носовые, «ять», даже фонологически неустойчивые редуцированные звуки, которые в старославянском языке очень рано подверглись процессу «падения». Глаголическое письмо заключает в себе и гениально предусмотренный принцип экономии знаков — слоговый принцип графики, в дальнейшем получивший развитие в кириллице болгарского и восточнославянских языков. Оставляя для другого раза обобщение фонологических достоинств глаголицы, рассмотрим принципы организации, знакообразования и символические функции азбуки Кирилла.

Религиозно-философское обоснование символизма глаголицы

Оценивая предшествующий опыт изучения глаголицы, подчеркнем, что азбука исследовалась преимущественно с позиций формального палеографического подхода и исключительно как фонографическая система, т.е. как обычный алфавит. Двухвековые сопоставления с самыми разными алфавитами других языков не привели к обнаружению ее прототипа, а попытки объяснения начертаний не дали ключа к их разгадке. В самом общем смысле христианский символизм находил в глаголице Г. Чернохвостов, но его идея не получила развития[3*]. Трудности исследования азбучной проблемы связаны прежде всего с тем, что, как уже говорилось, не существует текстов, объясняющих замысел Константина-Кирилла. При отсутствии прямых свидетельств условием решения азбучной проблемы должно стать установление содержательного контекста, соответствующего знаковому коду созданной Константином-Кириллом азбуки, установление содержательной связи между знаками азбуки и характером деятельности Константина-Кирилла, его религиозно-философскими представлениями. Такой подход в кирилломефодиевистике прежде не был реализован: *загадка азбуки и религиозно-философский контекст деятельности Константина-Кирилла рассматривались отдельно друг от друга*.

Принципиально новым в данном исследовании было рассмотрение азбуки в широком контексте

[13] См.: *Топоров В.Н.* Предыстория литературы у славян: Опыт реконструкции. М., 1998. С. 22.

[14] См.: *Динеков П.* Константин-Кирил Философ // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 2. София, 1995. С. 410.

[3*] Заметив в глаголице знаки с треугольником и кругом, Г. Чернохвостов предположил, что все знаки скомбинированы из этих трех христианских символов. Такое толкование страдает схематизмом. На самом деле фигуры треугольника и круга присутствуют в начертании отдельных знаков.

Библии и раннехристианской литературы. Были также учтены те религиозно-философские и эстетические концепции, которые получили развитие в сочинениях отцов Восточной церкви и могли послужить источником для формирования мировоззрения Константина-Кирилла[4*]. Такой подход подсказывается религиозно-философской направленностью взглядов создателя славянской письменности, как они восстанавливаются на основании исторических памятников.

Осмысление азбучной проблематики в широком контексте христианской культуры, в контексте символических значений Библии избрано не случайно. Ведь письменная традиция славян начинается с принятием христианства, а потому расшифровка символики глаголицы невозможна вне контекста раннехристианской культуры. Крещение для славян означало их приобщение к европейским духовным ценностям. Центром же их сосредоточения в конце I тысячелетия н. э. была Византия, обладавшая богатейшим наследием эллинской культуры и сформировавшая на почве христианства новые эстетические каноны и формы искусства. Одним из основополагающих учений византийской культуры была теория символов, разработанная религиозными философами и трактовавшая символы как средства метафорического выражения Божественной истины и красоты как особые священные знаки, в которых в прикровенной форме явлено человеку Божественное знание. Именно такому пониманию символического, как это будет показано далее, и соответствуют загадочные начертания и имена первых славянских букв.

Изучение прямых и косвенных источников, отражающих творчество Константина-Кирилла, позволяет определить философские школы и конкретные имена, которые могли оказать влияние на формирование мировоззрения первоучителя. Это были философы патристического направления — отцы Византийской Церкви — и в особенности каппадокийский философский кружок. Его представителями были св. Василий Великий, св. Григорий Нисский и особо почитаемый Кириллом философ раннего христианства св. Григорий Богослов [имя Григория упоминается в сочинениях Константина Философа — в его молитве св. Григорию (ЖК) и в «Написании о правой вере»].

Характеризуя время, в которое сложился каппадокийский кружок, Г.В. Флоровский указывает, что IV в. был переходной эпохой. В Церковь стали проникать элементы античного знания (платоническая аскетика, неоплатонистическая метафизика), первоначально чуждого христианству, но позднее христианством воспринятого и преобразованного. Среди них были и представления о символе и символической функции имени.

Одна из основных тем, которую развивали каппадокийцы, стала философия символа и имени как средств богопознания. Возражая сторонникам Ария, утверждавшим возможность познания Бога через имя (кто знает имя Бога, тот знает и Его сущность), каппадокийцы учили, что у Сущего нет и не может быть имени. Любые наименования Бога могут восприниматься только метафорически. Все имена, по Григорию Нисскому, выражают не сущность Бога, а только человеческие представления о результатах Его деятельности. Бог не может быть объят ни именем, ни мыслью. Он не изглаголан, не изречен.

Григорий Богослов, ссылаясь на афоризм Платона говорит: «Изречь Божественное невозможно, а уразуметь еще более невозможно». Нельзя до конца перевести опыт веры на язык понятий. И потому Бог не именуем. Продолжая идеи св. Василия Великого и Григория Нисского, в одном из гимнов, выражающих религиозно-мистические настроения эпохи, Григорий Богослов называет Бога Превышающим все, Несказуемым для слова, Неизреченным, Непостижимым, Всеименным и Безымянным. В его понимании высшее из благ — знание Бога, но оно открывается только в созерцании[15].

Проблема имени, символа, поставленная в связи с осмыслением содержания Библии как одна из центральных проблем эпохи, получила развитие и в трудах Дионисия Ареопагита, влияние которого на Константина-Кирилла также не подлежит

[4*] Нами изучены также и палеографические особенности таких старославянских глаголических памятников, как Ассеманиево, Зографское, Мариинское евангелия, Синайская псалтырь, Синайский евхологий, Македонский глаголический листок, Киевские и Пражские глаголические листки, Клоцов сборник и др., а также копии рукописей Синайского монастыря св. Екатерины, опубликованных в 1988 г. Й. Тарнанидисом. Кроме того к рассмотрению привлекались древние азбучные ряды и азбучные акростихи, особенности художественного оформления древнеславянских рукописей, иконописи.

[15] См.: *Флоровский, Георгий, прот.* Восточные отцы V–VIII в. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. С. 105.

сомнению. Достоверным свидетельством того, что Философ был прекрасно знаком с сочинениями Дионисия Ареопагита, считается сообщение об этом Анастасия Библиотекаря. Современник Константина-Кирилла, лично знакомый с ним и слышавший его в Риме, Анастасий Библиотекарь в одном из писем сообщает, что Константин-Кирилл Философ публично хвалил сочинения Дионисия, знал их наизусть, советовал использовать в качестве оружия для борьбы с ересями, указывал, как полезно их содержание для наставников[16].

Тема божественных имен и божественных символов нашла отражение в трактатах Дионисия Ареопагита «О божественных именах», «Мистическое богословие» и «Символическое богословие» (последний трактат был утерян, и его содержание воссоздается по письму к Титу). Божество, по Ареопагиту, невыразимо ни для какого слова, превыше любого слова, ибо Сверхсущий недоступен познанию. Но Божество и многоименно в силу тех свойств, которые ему присущи как Причине всего сущего. В Библии Бог являет себя во многих именах: Я есмь Сущий (Ἐγώ εἰμι ὁ ὤν) — Исх. 3, 14; Жизнь (ἡ ζωή) — Ин. 14, 6; Свет (τὸ φῶς) — Ин. 8, 12; Бог (ὁ Θεός) — Быт. 28, 13; Истина (ἡ ἀλήθεια) — Ин. 14, 6; Благой (ἀγαθόν) — Пс. 26, 4; Мудрый (σοφόν) — Ис. 5, 1; Бог Богов (ὡς Θεὸν θεῶν) — Пс. 49, 1; Святая Святых (Ἅγιον ἁγίων). Богословы поэтому называют Его и как Безымянного, и как сообразного всякому имени.

Исходя из своего понимания Божества, Дионисий намечает два способа постижения и обозначения Бога — катафатический (утвердительный) и апофатический (отрицательный). Катафатический способ соответствует традициям эллинской эстетики и состоит в постижении Божественного через совершенные, «подобные» образы, соответствующие своим содержанием Божественному. Апофатический способ использует «неподобные» образы, противоположные античным идеалам. Именно им Ареопагит отдает свое предпочтение. О Боге ничего нельзя сказать утвердительно, Он больше каждого определения. Поэтому для обозначения Бога больше подходят образы, заимствованные от предметов низших и презренных, таких, как растения, камни и даже черви. Апофатические образы, строящиеся по законам контраста, должны ориентировать на противоположное, возвышенное, должны возбуждать дух и возводить его к «истине», приблизиться к которой можно лишь посредством соответствующих символов.

Ареопагит следует традиции греческой патристики, согласно которой Божество не «доказуется» (ἀπόδειξις), а «показуется» (δεῖξις). В письме к Титу он указывает на два способа передачи информации об истине: один — явный и общедоступный, другой — невысказываемый и тайный, символический. По мысли Ареопагита, в символическом богословии показывается, что означают божественные образы, формы, символические изображения и знаки, которые возвещают о Боге метафорически. Вся информация о высших истинах заключена в символах, но их предназначение противоречиво. С одной стороны, символ служит для обозначения и тем самым для выявления непостижимого, с другой — является покровом, оболочкой, скрывающей неизреченное. Знание, скрытое в символах и знаках, постигается через заключенную в них гармонию и красоту. Таким образом, в учении Ареопагита символ предстает в качестве универсальной религиозно-философской категории.

Как видим, европейская мысль в эпоху, предшествующую созданию первой славянской азбуки, характеризуется сложившейся традицией глубокого осмысления природы символического. Средневековые христианские мыслители осознали символичность явлений культуры и, главное, определили роль символа как средства «выражения невыразимого». Они создали духовную атмосферу, необходимую для восприятия возможных знаковых форм «невыразимого». Ими были намечены те ключевые позиции, опираясь на которые, Константин-Кирилл смог разработать азбуку как символическую систему сакрального языка христианства. Именно поэтому в контексте Библии и святоотеческих сочинений так же, как и все творчество Константина-Кирилла, знаковая система глаголицы «оживает» и получает непротиворечивое истолкование.

Переходя к обсуждению творческого наследия св. Кирилла, прежде всего следует сказать, что византийской эстетической системе соответствует то общее понимание божественного, которое находим в его сочинениях, в том числе в «Написании о правой вере». Обращает на себя внимание также общность «мировоззренческого стиля», обнаруживаемого мыслителями византийской патристики

[16] Дионисий Ареопагит / Пер. и коммент. Г.М. Прохорова. СПб., 1994. С. XVIII.

и Кириллом, который прославляет Бога, следуя традиции Восточной Церкви в двух указанных способах — катафатическом и апофатическом. Используя положительные образы, он называет Бога Отцом, Вседержителем, Творцом, Господом, Единым, Единопресовершенным, Пресовершеннейшим, а в отрицательных суждениях именует Его Безначальным, Безвременным, Бесплотным, Невидимым, Необъемлемым, Неописанным.

При анализе символизма глаголицы, можно обнаружить и более тесные содержательные связи. Основные составляющие глаголицы — графические символы и их имена — в соответствии с патристической идеей «показательства» Бога являют два уровня представления сакрального знания: уровень *символический*, тайный, «неизреченный», который соотносится с начертаниями, и уровень *явный*, словесный, соотносящийся с азбучными именами.

Азбука Константина-Кирилла глаголица отвечает основному принципу ранневизантийской философии в понимании Божественного, поэтому во всей совокупности ее знаки и «многоименны», и «безымянны». Безымянность характеризует последние буквы азбуки, она присуща в большей мере буквам, соответствующим славянской речи, а не тем, которые, по словам Черноризца Храбра, были составлены «по чину греческих». В безымянности, недооформленности последних букв как будто заложен особый смысл, ведь безыменные символы более соответствуют выражению Божественного. Славянские буквы — более святы (об этом как раз и говорит Черноризец Храбр). Так может восприниматься, например, символ **Цы** (ⷰ), ни имя, ни форма которого до сих пор не получили истолкования. Как будет показано далее, **цы** в семиотической системе глаголицы воспринимается как символ Церкви Христовой: **Цы**, скорее всего, есть сокращенное написание **црькы.**

Имена букв характеризуются содержательным разнообразием. И в этом также соответствуют эстетическим принципам своей эпохи. Среди них часть ассоциируется с возвышенными, идеальными, «подобными» образами: **Вѣдѣ, Глаголи, Добро, Покой, Слово** Имена других букв в прямых своих значениях связаны с обозначением «недостойных предметов», «тварного мира»: **Чрьвь** (червь), **Ѣдь** (еда, пища), **Хлъ** (холм). Эта особенность тоже соответствует учению о божественных именах. Ведь для изображения высших духовных сущностей лучше заимствовать образы от предметов низших и презренных, таких, как животные, растения, камни и даже черви. При этом божественным предметам воздается значительно больше славы.

Не менее важно учитывать непосредственно библейский текст, послуживший основой как для раннехристианской теории имен и символов, так и для христианской миссионерской азбучной системы Кирилла. Имена букв в глаголице соотнесены с начертаниями. Символический смысл имен букв (их внутренняя форма) постигается через связь с соответствующими им графическими символами, вместе они получают «прочтение», попадая в призму образно-символического строя Библии. Например, **Ѣть** ⧋ — в библейском контексте опознается как символ Троицы. Три угла, три стороны треугольника, три луча сходящиеся в центре, образующие крест, символизируют Троицу. Бога символизирует и имя буквы **Ѣть** восходящее к **Ѣдь** «еда, пища»[17]. Но пищей называется в Евангелии Христос: **Плоть Моя истинно есть пища** (Ин. 6, 55).

Названия букв глаголицы в свете символического богословия воспринимаются как сакральные имена. Все они содержательно соответствуют контекстам Библии, в которых передается проявление Божественной воли по отношению к человеку. Одновременно в них содержательно «откликаются» фрагменты Псалтыри и Евангелия, значимые для православного вероучения. Каждое имя буквы поддержано со стороны Библии, укоренено в ней и живет ее смыслами. Более того, имя буквы, вбирая в себя соответствующие библейские контексты и тем самым становясь символом, выполняет продуктивную функцию: создает смысловое поле, порождающее новые значения в пространстве славянской культуры.

Опора на библейский контекст обусловила принципиальную возможность появления разных азбучных акростихов (Азбучной молитвы, акростиха «Азъ есмь всему миру светъ...» и др.) с общим или очень близким содержанием. Каждый из них представляет собой свернутый библейский текст, сохраняющий и передающий через ключевые символические образы «слово», «мудрость»

[17] См.: *Селищев А.М.* Старославянский язык. М., 1951. Ч. I. С. 259.

(«ведение»), «закон», «жизнь» и др. всю полноту сакрального содержания первоисточника. В библейском тексте между такими именами-символами, как «ведение», «добро», «глаголь», «закон», «завет», «жизнь», «земля», «слово», «твердо», существуют устойчивые содержательные связи, основанные на нравственно-дидактических мотивах. С их помощью многократно повторяется религиозно-назидательная мысль: ведение, мудрость, добро дает Господь; устами его говорят глаголы вечной жизни; Земля должна следовать заветам Бога; слово, сказанное Богом, твердо; слово человеку дано Богом, и оно также должно быть твердым.

В силу устойчивости смысловых связей, устанавливающихся между ключевыми библейскими символами праведности, и азбучные имена реализуют свои содержательные связи. Именно поэтому не только раздельное значение имен букв связано с выражением идеи Бога, но и имена букв составляют фразы из узнаваемых христианских речей: **Азъ боукы вѣдѣ; Глаголъ добро ѥстъ; Людиѥ мыслитѥ; Нашь он покой; Рьци слово тврѣдо.** Показательно в этом смысле образуемое именами выражение **Рьци слово тврѣдо**, напоминающее ряд библейских высказываний: Будет твердо всякое слово (2Кор. 13, 1); Возвещенное слово было твердым (Евр. 2, 2) и подобные им. Образуемые именами букв синтагмы представляют собой как бы ключевые заповеди Библии, выраженные в азбучном тексте. И, наконец, вместе имена славянских букв составляют на уровне смыслов закодированный метатекст, символизирующий одновременно и «тропу жизни», установленный Богом порядок сущностей: **Азъ — Живѣтѥ — Зѣмля — Покой — Чрьвь — Хлъмъ,** и напутствие, закон праведной жизни: **Глаголъ добро ѥстъ; Живѣтѥ ѕѣло; Людиѥ мыслитѥ; Наш он покой; Рьци слово тврѣдо.**

Итак, имена букв являются уникальным феноменом древнеславянской письменной культуры. В свете изложенных идей получают непротиворечивое истолкование такие неясные с точки зрения современного восприятия и традиционно затрудняющие исследователей особенности имен славянского алфавита, как их смысловая разнородность **(Добро, Слово** и **Чрьвь),** незавершенность ряда имен, лексическая недостаточность последних имен **(Цы, Ша, Іѥръ, Хлъ** и др.). Путь познания Бога, как пишет Г.В. Флоровский, «есть путь отвлечения и отрицания, путь упрощения и умолчания... И по мере приближения к самому Богу язык бледнеет и оскудевает в словах»[18]. Он постигается мистически через символы. Именно такую логическую и символическую последовательность и представляет созданная Константином-Кириллом азбука глаголица.

Понятие о символической матрице глаголицы

Начертания глаголических букв так же, как и их имена, обусловлены содержанием Священного Писания, они воспроизводят наиболее значимые с точки зрения христианства аспекты отраженного в Библии религиозного миропонимания. При анализе в библейском контексте глаголица открывается не как обычный буквенно-звуковой алфавит, а как более сложная и совершенная семиотическая система. Знаки глаголицы помимо фонографических свойств обладают свойствами идеографии и символической функцией многоуровневого кодирования христианской «картины мира» с ее ценностной системой. Если фонографический критерий существенно отразился на ее составе и в определенной степени на последовательности букв, идеографический критерий является определяющим для начертаний.

Можно говорить о древности и универсальности приемов создания глаголического знакового образа и его графического воплощения. Они основаны на механизме перевода словесно переданного образа в образ визуальный. Свойственные азбучным начертаниям приемы создания визуального образа строятся на универсальных тропах: на метафоре, метонимии или синекдохе (Овен-Агнец — символ Христа; росток — символ жизни; эмбрион — символ рождения; кривые пути — символ греховности; отпадение — символ зла; изображение столпов — символ тверди; уста — символ Праведника; рог — символ победы, спасения, Церкви; череп — символ смертности; изображение крылатого летящего круга — символ херувима; изображение дракона — символ темных сил; солнцеобразный венец — символ вечной славы и т.д.). Они находят параллели в древневосточных изобразительных приемах. Нужно подчеркнуть также, что семиотические потенции глаголицы, в силу уже отмеченной комплексной природы ее

[18] *Флоровский Г., прот.* Восточные отцы V–VIII вв. М., 1992. С. 105.

знаков, поддерживаются расчлененным, двойным, дублирующим характером создания образа в парных кодирующих системах, ориентированных на разные способы восприятия: вербальной — в имени буквы (**Глаголи**) и визуальной — в начертании (Ⰳ). Как уже говорилось, потенции символа всегда шире данной реализации, символ определяется как знаковое выражение высшей и абсолютной незнаковой сущности. Глаголические буквы-иероглифы, в которых древним славянам было явлено евангельское слово, обеспечивали возможность не только его прочтения, но и «чувственного» восприятия текста через созерцание.

Христианское вероучение о Богочеловеке Христе, соединившем всю полноту и божественной, и человеческой природы в Евангелии передано в двух главенствующих идеях: в идее Его мессианства — *нисхождения* от Бога-Отца и *восхождения* — и Его человеческой *рождаемости*, которые получили отражение в Никео-Цареградском Символе веры. Эти важнейшие аспекты христианского религиозно-философского содержания, как увидим далее, находят последовательное символическое выражение в глаголице, как бы скрепляя ее структуру в символическую «матрицу»[5*].

Приблизиться к пониманию матричного принципа, заложенного в структуре глаголицы, помогает в разных смыслах ключевой знак азбуки — **Слово** ⰓⰋ, а также ряд сопряженных с ним знаков, парадигматически и синтагматически взаимодействующих в семиотической системе глаголицы. **Слово** ⰓⰋ — двадцатая по счету буква азбуки, вместе с двумя другими буквами, завершающими десятизнаковые ряды — десятой (**Иже** ⰈⰆ), ее место устанавливается по Азбучной молитве) и тридцатой (**Ієръ** ⰉⰔ), а также с 33-й по счету буквой (**Хлъ** ⰕⰔ) образует закономерный ряд, трактуемый нами как христианская символическая матрица глаголицы: ⰈⰆⰉⰔ.

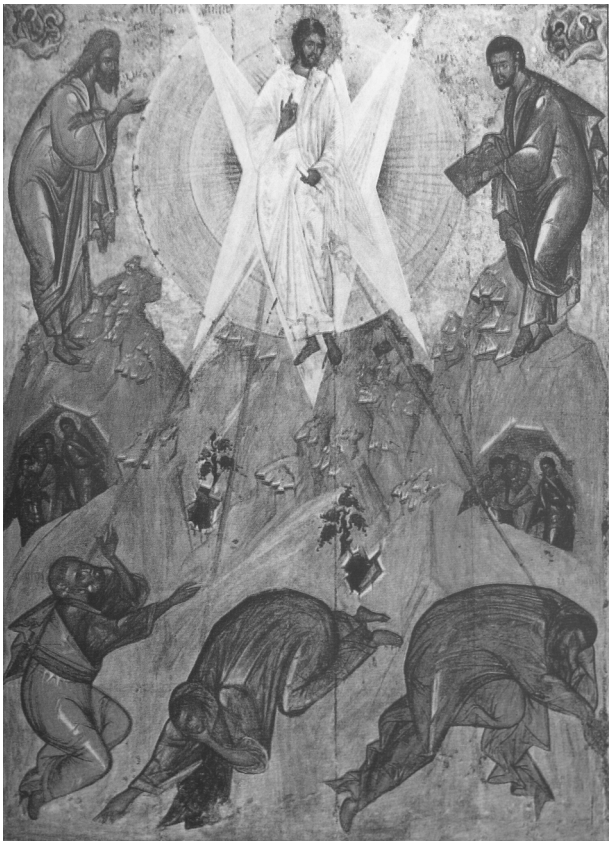
Образ Слова предстает уже в самых первых строках Библии, в Бытии, как символ созидающей силы Творца, как онтологическое начало Сущего, как Божественный Логос, первопричина Вселенной и Жизни, творческая энергия, которая исходит от Бога. Образ Слова переходит и в Новый Завет, в Евангелие. Он главенствует в Евангелии от Иоанна, в котором как ключевой символ открывает текст. Слово в Евангелии знаменует все три божественные ипостаси: и Отца, и Сына, и Святого Духа. Оно предстает как многомерный, фокусирующий в себе тринитарную символику образ. Но все же чаще всего выражает центральную евангельскую идею о Спасителе, о Мессии, **нисшедшем** на землю в образе Христа, принявшем ее грехи и страдания и **восшедшем** к Богу-Отцу. Постоянно повторяются слова Христа, тревожащие души учеников, о Его нисхождении и Его ожидаемом восхождении. Именно этот смысл, переданный в Евангелии и сопровождающий образ Слова, помогает раскрытию содержания символов глаголической матрицы.

Обратимся к их начертаниям. В соответствии с традицией формального палеографического подхода (без графических на то оснований, а только по сходству обозначаемых звуков) интересующие нас знаки производились из букв других алфавитов. Знак **Слово** ⰓⰋ, производился от латинского S (Й. Добровский), от греческой σ — сигмы (П.И. Шафарик, Фр. Рачки, И. Ягич). **Иже** ⰈⰆ рассматривался как знак, производный из латинского курсивного ypsilon — γ (Л. Гейтлер), выводился также из греческих ει — эпсилон + йота (И. Тейлор), из греческой η — эты (И. Ягич) и т.д. До сих пор не было найдено объяснение тому, какое значение имеет каждый из знаков ⰈⰆ и ⰓⰋ, что означает месторасположение элементов (треугольника и круга) в буквах **Иже** ⰈⰆ **и Слово** ⰓⰋ[19].

В данной концепции начертания знаков **Иже** ⰈⰆ и **Слово** ⰓⰋ рассматриваются как графические символы, передающие мессианскую идею. Начертание буквы **Слово** ⰓⰋ, как и форма **Иже** ⰈⰆ, второй из двух рассматриваемых букв, обладающих поразительной симметрией и состоящих из христианских символов круга (символа вечности, бесконечности, Бога) и треугольника (символа Троицы), является символом со своим особым содержанием, которое имеет опору в тексте Евангелия, и, прежде всего, Евангелия от Иоанна. Направление острия треугольника — вниз к кругу в **Иже** ⰈⰆ и вверх к кругу в **Слово** ⰓⰋ — графически выражает соответственно понятия **нисхождения** и **восхождения**, а вмес-

[5*] Понятие «матрица» в отношении к азбучной системе глаголицы используется в условном значении, а не в специальном терминологическом смысле.

[19] См.: *Илчев П.* Глаголица // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. I. С. 491–509.

Символы Нисходящего и Восходящего
на иконе «Преображение»
Школа Феофана Грека; начало XV в.

те — идею Спасителя, пришедшего от Бога-Отца в мир и возвратившегося к Отцу.

Мысль о небесном происхождении Иисуса, нисходящего от Бога и возвращающегося к Богу, последовательно развивается в главах Евангелия от Иоанна. Вся первая глава содержит символический контекст, раскрывающий небесное происхождение Иисуса: отверстое небо, Дух, сходящий с небес, как Ангел, Ангелы — нисходящие и восходящие. Все это божественные знаки, сопровождающие Мессию, так как **нисхождение** и **восхождение — это путь одного только Христа**. Об этом и сказано в Евангелии: *Приходящий свыше и есть выше всех* (Ин. 3, 31).

Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю Пославшего Меня Отца (Ин. 6, 38); *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах; И как Моисей вознес змию в пустыне, так и должно вознесену быть Сыну Человеческому* (Ин. 3, 13–14); *Что ж, если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде?* (Ин. 6, 62).

Евангелие от Иоанна, как об этом сказано в ЖК, было первым текстом, который Константин-Кирилл начал переводить на славянский язык. Разработанная им азбука графически запечатлела доминирующую идею Евангелия от Иоанна, которая также лаконично и выразительно сформулирована в посланиях апостола Павла: *А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес* (Еф. 4, 9–10).

Новозаветные тексты — Евангелие от Иоанна и Послание апостола Павла к ефесянам — отсылают к книгам Ветхого Завета, к Притчам Соломона: τίς ἀνέβη εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ κατέβη (Παροιμ. 30, 4) — *Кто восходил на небо и нисходил?* (Притч. 30, 4); а также к шестьдесят седьмому псалму Давида, где о Христе сказано: ἀνέβης εἰς ὕψος... (Ψαλμοι 67, 19) ´ *Ты восшел на высоту* (Пс. 67, 19).

Славянские *восшедший* и *нисшедший* являются точным переводом греческих терминов καταβὰς и ἀναβὰς, использующихся в Библии для передачи божественной природы Мессии. Эти термины, проходящие через Ветхий и Новый завет, являются ключевыми для понимания сверхъестественной сущности Христа. Именно эти терминологические обозначения библейских понятий и нашли отражение в двух символах глаголической матрицы.

Тридцатая по счету буква **Ієръ ⴹ**, завершающая третий ряд азбучной матрицы, имеет не менее символическое содержание. Начертание этой буквы палеографы связывают с греческой омикрон, а ее имя обычно производят от греч. ἀερο — «воздух». Однако в предлагаемом здесь контексте этимология этого имени вступает в соотношение с греч. ἱερός — священный. Зимствованный из греческого языка корень греч. ἱερός присутствует в таких старославянских словах, как **иераполь, иереи, иереискъ, иереиство, иерусалимъ**.

Формой своей буква **Ієръ ⴹ** соответствует образу человеческого эмбриона и, по нашей концепции, является символом человеческого рождения. **Ієръ ⴹ** есть символ плода во чреве, плода в утробе, о котором говорится в Библии как о благословенном даре Бога: *Вот наследие от Господа: дети; награда от Него — плод чрева* (Пс. 126, 3); *Благословен плод чрева Твоего* (Лк. 1, 42).

Представление о зародыше — одно из важнейших в христианском миропонимании. Оно утверждает

божественное творение жизни. В утробном состоянии своем человек уже ведом Богу и подвластен Ему: *Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои* (Пс. 138, 16).

В старославянском языке этот емкий образ передается лексемой **несделанное**, что соответствует греческому ἀκατέργαστόν — *необработанный, необделанный* [см. в древнеболгарском тексте Болонской Псалтыри (БП. 222б): **ты създа жтробѫ моѭ и приѭтъ мѧ чрѣва мтре моеѭ... не утаи сѧ костъ моа wт тебе жже створи въ таинѣ... несделанное мое видѣствѣ wчи ти...**].

Пояснения требует то особое религиозно-символическое значение, которое несет в себе **Ієръ** Ⰹ как третий знак глаголической матрицы. Какой смысл приобретает он, следуя за символами, обозначающими нисхождение и восхождение Иисуса? В евангельском тексте, хотя и не в открытой форме, передано концептуальное различие понятий *Единородный* и *Первородный* и особое содержание, заключенное в каждом из них: Единородный — от вечности единый с Богом-Отцом, Первородный — первым от человечества рожденный для вечности. Это содержание, составляющее доктрину христианства, рассредоточено в разных текстах Нового Завета, в основном в Евангелии от Иоанна: *Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него* (1Ин. 4, 9); *И мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца* (Ин. 1, 14); *Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу. Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобным образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братиями* (Рим. 8, 28–30).

Эти знания «о Боге и Его Единородном, именно о том, какова природа Единородного, каким образом Он делается Сыном Божиим», отцы Церкви относят к неизреченным тайнам, скрытым под словами. Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» дает объяснение: «*Первородным* же Он называется потому, что, будучи единороден, *от Матери,* сделался человеком, а через Него и мы сделались сынами Божиими»[20]. В соответствии с приведенным контекстом **Ієръ** Ⰹ в синтагме глаголической матрицы является знаком естественного, «человеческого» рождения и получает символическое значение **первородности** Христа: *Рождество Иисуса Христа было так... оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого* (Мф. 1, 18); *И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус* (Лк. 1, 31).

Отражение этого понятийного содержания в матрице миссионерской азбуки, созданной Константином-Кириллом Философом во второй половине IX в., не только вполне закономерно, но и очень значимо. Во времена Кирилла еще свежи были отголоски дискуссии о свойствах трех ипостасей Троицы и о первородстве Сына. Нерождаемость Отца, рождаемость Сына и исхождение Духа от Бога Отца были определены константинопольским православным священством как важнейшие свойства Троицы. Константином-Кириллом Философом они были обозначены в первых строках «Написания о правой вере»: «Прославляю Троицу в Ипостасях, то есть Лицах, из Которых Каждое Лицо, неслитое и нераздельное, сохраняет свойства неслитно, неизменно и непрелагаемо. (Свойство) Отца — нерождаемость и причинность всего сущего от Него; (свойство) Сына — *рождаемость*; (свойство) Духа — исхождение»[21].

Итак, понятие рождаемости Христа является одним из ключевых для православия, а обозначения **единородный** и **первородный** имеют так же, как и рассмотренные выше **нисходящий** и **восходящий,** концептуальный характер для православного вероучения. Их содержание и «высвечивают» символы глаголицы. Поскольку идея рождаемости Христа является ключевой для Нового Завета, то и символ человеческой рождаемости оказывается очень значимым для символического кода глаголицы. Следовательно, и форма третьего знака **Ієръ** Ⰹ, передающего своим начертанием идею рождения, и «место» его вполне закономерны.

В четвертом ряду алфавита особое значение для понимания идеи матричной организации алфавита получает буква **Хлъ (хлъмъ)** Ⱈ. Этот знак обнаружен в четырех случаях: трижды в Синайской псалтыри и в одном употреблении в Ассеманиевом евангелии. Во всех четырех случаях он использован в слове **хлъми**. Прежде исследователи, руководствуясь в основном лишь палеографическим

[20] См.: *Дамаскин Иоанн.* Точное изложение православной веры. М.; Ростов н/Д., 1992. С. 279–280.

[21] Написание о правой вере, сказанное блаженным Константином Философом, учителем в Боге словенского народа // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 6. С. 74.

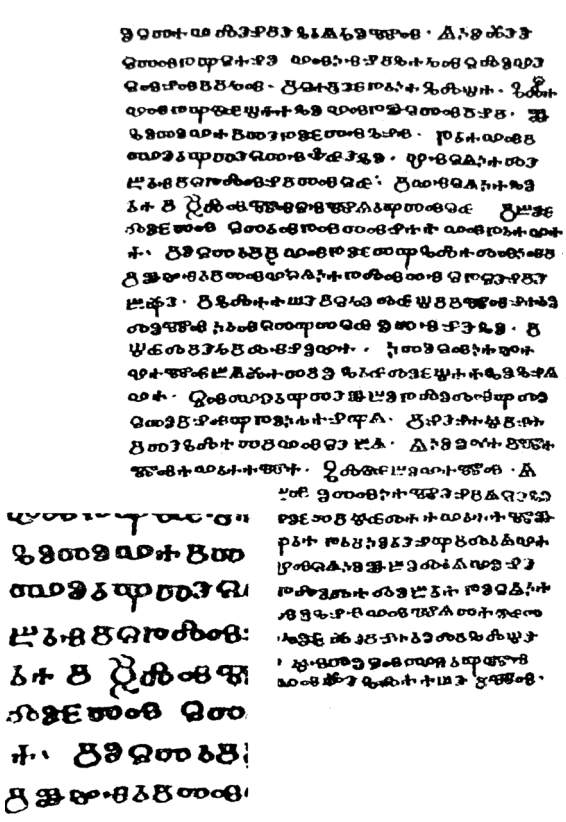
подходом, не обратили внимания на семантико-контекстуальные условия употребления знака, а также на религиозно-символическое значение слова **χлъми** в Библии, и поэтому символическая природа буквы **Хлъ** оставалась не раскрытой.

В Синайской псалтыри не только буква **Хлъ**, но и соответствующее ей слово **χлъми** встречается три раза: в 64-ом и в 113-ом псалмах (два раза). В этих псалмах радующиеся холмы служат образом ликующей природы в ожидании пришествия Бога во славе: *Ты посещаешь землю, и утоляешь жажду ее... Венчаешь лето благости Твоей, и стези Твои источают тук, источают на пустынные пажити, и холмы препоясываются радостью* (Пс. 64, 10, 12–13).

Тот же образ холмов при приготовлении мира перед пришествием Бога во славе содержится и в 113 псалме Синайской псалтыри, и в Ассеманиевом евангелии. В тексте пророка Исаии, к которому отсылает евангелист, находим описание ожидаемой сцены явления Господа: *Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий* (Ис. 9, 2); *Восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою* (Ис. 60, 1–2); *Господь будет для тебя вечным светом, и Бог твой — славою твоею* (Ис. 60, 19); *И будешь венцом славы в руке Господа* (Ис. 62, 3).

Образ радующихся холмов соответствует и содержанию древнеславянских азбучных стихърей, где радующиеся холмы изображаются в строках, соответствующих букве **Хлъ**.

Итак, ассоциативный ряд, который вызывает слово **χлъмъ** в контексте его употреблений в библейских текстах, имеет следующий вид: радующиеся холмы — озаренные солнцем священные холмы, которые символизируют славу Господа на земле, венец Его силы. Это иносказание, аллегорический образ солнца, зажигающего мир подобно сияющему венцу и символизирующего славу Господа. Соответствует этому значению и форма знака **Хлъ** . Он представляет собой круг с четырьмя спиралевидными лучами. Обращают на себя внимание размеры знака. Во всех дошедших до нас употреблениях, в особенности, в Ассеманиевом евангелии, он заметно выступает из строки, поднимаясь над другими буквами (см. форму знака

Образец круглой глаголицы
(Ассеманиево евангелие, X в. Рим. БВ. Cod. Vat. Slav. 3. Л. 138б);
фрагмент вставной части — образец угловатой глаголицы
(Зографское евангелие, XII в. СПб. РНБ. Глаг. 1. Л. 43)

в Ассеманиевом евангелиии)[22]. Он подобен солнцу и венцу. Графический облик знака указывает на смысловой план аллегории: солнце — свет веры, праведность — Бог.

Солнцеобразный знак как символ верховных сил мироздания с многоплановым содержанием присутствует во многих культурах с древнейших времен. Его мы находим в мифологии и искусстве Дальнего и Ближнего Востока, Африки и Америки. С солнцем, которое является «основой мирового правопорядка, мерилом дня и ночи, источником жизни», сравнивается праведность в сочинениях кумранитов: «... как тьма отступает перед светом, так исчезнет нечестие навеки, а праведность откроется, как солнце...». Этот древний и многоплановый религиозно-философский смысл был впитан Ветхим За-

[22] Ассеманиевото евангелие: Факсимилно издание / Съст. Иванова-Мавродинова, Джурова. София, 1981. Л. 138б.

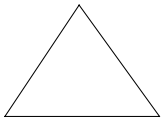
ветом, а затем воспринят и в сочинениях христиан. В их толкованиях Псалтыри солнце, горы и холмы символизируют христианское вероучение и самого Христа. Григорий Богослов уподобляет вознесение Христа во славе восходу солнца: «Как солнце из западов восходит на востоки, так и Господь как бы из внутренностей ада взошел на небеса небес, на востоки собственной своей славы и светлости»[23].

В Болонской псалтыри (БП. Л. 103б, 117, 186б), с толкованиями, приписываемыми одному из отцов церкви Афанасию Александрийскому, холмы символизируют и Священное Писание, и Христа, и холм его Вознесения:

Тексты Болонской псалтыри	Толкование
Разъвотѣжѧтъ красная поустыни радостїѭ хлъми прѣпоꙗшѧтьсѧ (л.103б)	**Аплы хлъмыѭ и кънигы наричѧтъ**
Да приимѧть горы миръ людеи и хлъми правъдѫ (л.117)	**Горы сѫть прци хлъми же апли овое же хъ єсть**
И хлъми ꙗко агнъци овъчии (л. 186б)	**радость хлъма възнесениꙗ нашего въсходитъ**

Таким образом, глаголический знак **Хлъ** ⰔⰎ является также сакральным символом христианства. Его символическая природа постигается только при комплексном семиотическом и культурно-историческом подходе, когда форма знака анализируется в соотнесении с его именем и порядковым номером и когда целостная структура знака рассмотрена в первую очередь в контексте Библии и шире — в содержательном контексте славянской православной культуры. При таком комплексном подходе обнаруживается очевидная, обусловленная содержательной структурой религиозного символа, связь между формой солнцеобразного знака, его именем **Хлъ** (и звуковым значением), а также порядковым номером. Тернарное соотношение между смысловым планом и планом выражения у данного символа имеет следующий вид:

Глубинный понятийный план — **ХРИСТОС**

Хлъмъ ⰔⰎ

Имя буквы — словесный графический знак — аллегорический образ символ вознесения и вознесения славы Господа; порядковый номер буквы **Хлъ** (33-е место в азбучном ряду) также не случаен и имеет символическое значение: он соответствует возрасту Христа в момент Вознесения.

Таким образом, в глаголической матрице в последовательности 10-го, 20-го, 30-го и 33-го знаков заключена евангельская идея о Христе. Она передана троекратно на разных кодовых азбучных уровнях: на фонетическом, на уровне имен букв, на уровне визуальных символов. Фонетические значения букв **Ижеи, Слово Ієръ, Хлъ** образуют имя Иисуса Христа в подтитловом обозначении ⰈⰋⰑⰔ = **И С Ъ Х** = Иисус Христос.

Сокровенная мысль о Спасителе иносказательно передана в именах букв **Ижеи, Слово, Ієръ, Хлъ** = «Тот, Который», «Слово», «Священный», «Холм». Она запечатлена и в графических символах, совершенных по красоте и выразительности, имеющих явную иероглифическую природу и передающих своей формой сакральное содержание: ⰈⰋⰑⰔ = Нисхождение, Восхождение, Рождение, Вознесение. Весь ряд читается как единый текст**: Нисходящий и Восходящий рождается (пребудет) в вечной славе**.

Всю последовательность четырех глаголических знаков следует рассматривать как высказывание на символическом языке, как своеобразную эмблему, заключающую в себе доктрину православия. Сокровенная истина христианства, заключенная в текстах Нового Завета и указывающая человечеству **путь спасения через возрождение духа**, как в эмблеме запечатлена в структуре глаголической азбуки. Этот факт не может быть случайным, поскольку содержательная обусловленность и единство всех элементов рассматриваемого знакового ряда исключительно высоки. Все элементы взаимосвязаны: количество знаков, их последовательность, фонетические значения, имена, начертания. При этом каждая из этих составляющих заключает особый аспект значения, существенный для символизации христианской идеи. Матричное построение является закономерностью, отражающей рациональную природу глаголической азбуки. Можно говорить, что матрица глаголицы представляет собой Символ веры в буквальном смысле слова. Ниже в тексте Символа веры выделены те ключевые слова, которые получили отражение в матрице глаголицы:

[23] Толковая псалтырь Евфимия Зигабена / Пер. с греч. М., 1882 (репринт — М., 1993). С. 408.

Символ веры
Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя,
Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым.
И во единаго Господа Иисуса Христа,
Сына Божия, *Единороднаго, иже от Отца рожденнаго* прежде всех век;
Света от Света, Бога истинна от Бога истинна,
рожденна, несотворенна, *единосущна Отцу*, Имже вся быша.
Нас ради человек и нашего ради спасения *сшедшаго* с небес
и *воплотившагося* от Духа Свята и Марии Девы, и *вочеловечшася*.
Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна.
И *воскресшаго* в третий день по Писанием. И *возшедшаго* на небеса, и седяща
одесную Отца. И паки *грядущаго со славою* судити живым и мертвым,
Егоже Царствию не будет конца.
И в Духа Святаго, Господа животворящаго, иже от Отца исходящаго,
иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшего пророки.
Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.
Исповедую едино *крещение* во оставление грехов.
Чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь

Нельзя не видеть двустронней связи между содержанием Символа веры и знаками глаголической матрицы. Наиболее значимые смыслы Символа веры получают отражение в матричных знаках. Одновременно все значения, получившие отражение в матрице глаголицы, связаны с содержанием Символа веры. Идея крещения заключена в первой букве алфавита **Азъ ☥**.

В рассмотренной структурной особенности первого славянского алфавита нашло отражение одно из древнейших учений, составляющих основу православия — ономатодоксия, или имяславие, предполагающее почитание мистического символа имени Бога как наивысшей реальности. Согласно этому учению, имя Божие понимается как энергия сущности, которая есть сам Бог. Представителями этого учения были великие каппадокийцы и другие отцы Восточной Церкви, столь почитаемые Константином-Кириллом.

Глаголическая модель Вселенского круга

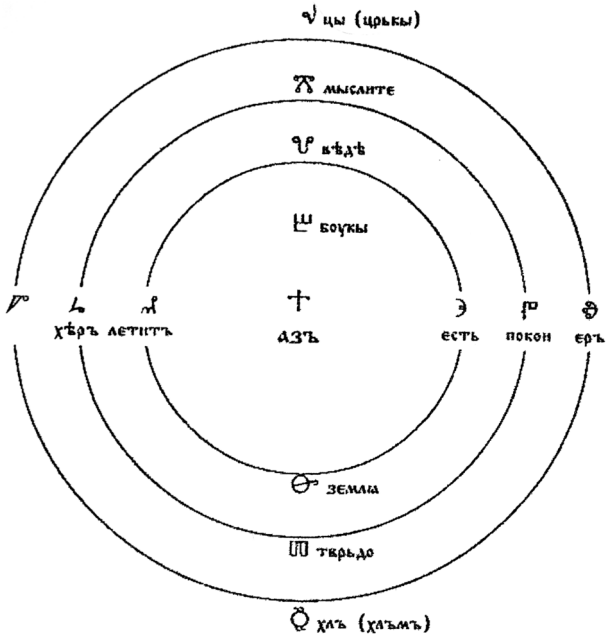
Итак, проведенный системный анализ опорных букв глаголицы позволяет со всей определенностью говорить о том, что символическим значением обладают имена и начертания знаков, занимающих ключевые места в азбучном ряду и образующих его матрицу. Вместе с тем и система глаголицы в целом в своей структурной организации, в значениях имен букв и в значениях знаков-образов, глубоко продумана как целостный многомерный символ христианской культуры — символ Божественного мира. Этот всеобъединяющий смысл многократно повторяется в отдельных элементах азбучного ряда (принцип соозначения) и заключен в символическом содержании всей азбуки. Характерным признаком глаголической знаковой системы как системы символической является свойство аккумулировать содержательное пространство культуры и кодировать («свертывать-развертывать») его смыслы. Это свойство обнаруживается в парадигматической и синтагматической сочетаемости знаков-символов, их способности синтезировать более сложные символические образы, одновременно представлять различные аспекты единого содержательного комплекса, выражать и формировать христианское восприятие и сознание древнего славянина. Все эти особенности свидетельствуют о системном характере глаголицы, о ее рациональной природе, о скрытом присутствии в ней автора, воплотившего в первом славянском алфавите образ божественного Универсума. Считаю необходимым выделить принципиальное положение, что в знаковой системе глаголицы запечатлено предельно широкое знание о мире, включая представление о космосе, соответствующее астрономическим интересам эпохи Кирилла. Предметом последующего рассмотрения и является космологическая, вселенская идея, запечатленная в Библии и нашедшая отражение, по нашему мнению, в семиотической системе первых славянских букв.

Священное Писание изобилует загадочными картинами бесконечного космоса, свидетельству-

ющими о величии и всемогуществе Творца. Присутствие большого космоса, «знамения небесные» определяют события исторической канвы и Ветхого Завета, и Пророков, и Нового Завета. В книгах Библии присутствует представление древних о Зодиаке, запечатлена карта небес и основных созвездий, наблюдаемых на востоке, их движение и изменение. Метафорическими образами обозначен в Писании загадочный и непреложный круговорот времени, передано представление о четырех важнейших временны́х координатах, связанных с наблюдаемыми изменениями в движении солнца — летнем и зимнем солнцестоянии, весеннем и осеннем равноденствии. Переданные символически астрономические, пространственные и временные представления в Писании складываются в космогоническую картину мироздания, центр которой есть Бог, творящий своим словом Вселенную и землю, тьму и свет, светила и времена года, и человека по своему образу и подобию. Представление об отраженной в Библии астрономической символике, сопряженной с духовно-религиозной символикой, находим в сочинениях «учителей» Константина-Кирилла Философа — в творениях Григория Богослова, Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина.

Открывающийся сквозь «священные завесы Писания» образ божественного мира, образ Вселенной, и является, по нашему мнению, той онтологической основой, которая нашла отражение в семиотической модели глаголицы. Совокупное значение глаголических символов состоит в выражении Божественной вселенной, образ которой христологичен, богочеловечен. В средневековом христианском миропонимании отношения человека и Вселенной, как пишет Вл. Лосский, «как бы опрокинуты по сравнению с античными представлениями». Здесь, как и Бог, человек является не частью Вселенной, а ее центром, «не человек спасается Вселенной, а Вселенная человеком, потому что человек есть ипостась всего космоса[24]. Эти отношения «Я» человека со Вселенной устанавливаются через обретение Божественной полноты, через «сообразность», «соподобие» человека Богу.

Подобно тому, как в Писании полнота Бога предстает в разнообразных отдельных именах, соответствующих всему, что существует: *Я есмь Сущий, Благо, Знание, Слово, Все сущее* — подобно этому и в славянской азбуке образ Божественной

Модель глаголического вселенского круга

вселенной возникает из всеобщности, соединения всех элементов азбучного ряда и во всех ипостасях: форма буквы, имя буквы, место в алфавите.

Пространственная модель глаголического вселенского круга реконструирована методом пространственно-графического моделирования, она отражает календарный принцип, заключенный в структуре глаголической азбуки, основанный на двенадцатичной системе счисления. Объективность кодирования этого принципа в азбуке выявляется и в отвлечении от графического моделирования, она обнаруживается в повторяемости через интервал в 12 элементов семантически однопорядковых символов. Таковы, например, символы материального мира: 9-й знак **Зємлıа**, 21-й — **Твръдо**, 33-й — **Хлъ** (Холм). Им противостоят повторяющиеся через тот же цикл символы духовного мира: 3-й — **вѣдѣ** (ведение), 15-й — **Мыслитє**, 27-й — **Цы (Црькы)**.

Началом построения модели глаголического вселенского круга служит первый знак **Азъ**, крестообразная форма которого подсказывает его положение как центра некоторой системы координат. Помимо того, что крест является главным символом христианства, символом распятия и хризмоном — знаком, осеняющим начало всякого

[24] *Лосский Вл.* Догматическое богословие // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 297.

творения, он также символизирует основы мироздания. В библейском контексте и форма, и имя буквы символизируют Бога.

Второй знак — Ш **Боукы**, получает в модели функцию знака-вектора, указывающего направление развертывания азбуки: вверх и вправо. Форма **Боукы** подобна профильному изображению Оранты с воздетыми в молитве руками. Такой образ более всего напоминает начертание этой буквы в Зографском евангелии — Ц. Изображение молящегося человека является одним из древнейших символов мировой культуры. Этот образ типичен и для Библии, в особенности часто он встречается в Псалтыри: **оуслъıшi гї гла(съ) молітвъи моеѩ егда въздѣıж рѫцѣ моі къ цр҃къві сті твоеі** ([Син.] Пс. 27, 2): **оуслыши ги гласъ млтвы моеж вънегда вьздѣти ми рѫцѣ къ цр҃кви сті҃ѣи** ([Нор.] Пс. 27, 13).

Подобный образ характерен и для раннехристианских росписей катакомбного периода. И Азбучная молитва, которую считаем творением Кирилла, открывается молитвенным образом: **Азъ словомь симь молиж сѧ Богоу... Рѫцѣ бо свои горѣ въздѣıж присно...**

Устремленный вверх **Боукы** как бы «подсказывает» место следующего знака — **вѣдѣ** ☊, начертание которого тождественно форме зодиакального символа Овна, а потому занимает точку верха и определяет зодиакальный принцип построения всей знаковой системы. Таким образом, три первых знака задают принципы развертывания всей знаковой системы: от центра — вверх и вправо, по спирали, по солнцу, по часовой стрелке.

Ряд последующих знаков **Глаголи** ♌, **Добро** ♏, **Єстъ** ♃, **Земля** ♉ содержат в своих начертаниях идею движения по кругу (в начертании **Добро** ♏ идея кругового движения заключена в принципе зеркальной симметрии, в отраженном характере формы по отношению к **вѣдѣ** ☊, этот принцип повторяется также в начертаниях **Иже** ♒ и **Слово** ♌).

Выстроенная последовательно по кругу, вся азбука умещается в три витка и образует совокупный целостный символ единства и полноты Вселенной. В нем отражается религиозно-нравственное, эстетическое и естественнонаучное знание эпохи. Отражено представление о Зодиаке и четырех важнейших созвездиях зодиакального круга, соответствующих точкам весеннего (**вѣдѣ** ☊) и осеннего (**Земліа** ♉) равноденствия, летнего (**Ієстъ** ♃) и зимнего (**Летитъ** ♑), солнцестояния. Соответствие усматривается как в последовательности знаков, так и в их начертаниях. Это представление о солнечном и лунном циклах. Наконец, представление о принципе устройства солнечно-лунного календаря, знание структуры которого необходимо для вычисления последовательности христианских праздников.

Соотнесенность глаголического круга со строгой календарной системой солнечно-лунного календаря[25] объясняет не только начертания и последовательность конкретных глаголических знаков, но и общее количество изобретенных Кириллом букв — 38. В принципе модель солнечно-лунного календаря наглядно может быть показана с использованием именно тридцати восьми знаков, один из которых получает значение центра, 36 — символизируют три календарных года по 12 месяцев, а еще один знак (в модели глаголического круга это Ш **Боукы**) символизирует «эмболисмический», дополнительный к трем лунным годам месяц, приравнивающий лунный круг к солнечному и обеспечивающий возможность вычисления важнейшего для христианства цикла праздников — пасхалий.

Основанием, подтверждающим календарный принцип организации глаголической азбуки, служит наличие в славянской средневековой христианской книжной традиции разновидности памятников, именуемых «Круг миротворный», которая опирается на **василіевы книги**, на традицию, идущую от святых отцов, которая не могла не быть известна Константину-Кириллу Философу[26]. Однако сегодня уже очевидно и то, что содержание глаголицы не исчерпывается одной только календарной символикой. Ее предназначение (и значение) неизмеримо шире. Эта уникальная

[25] См. подробнее: *Карпенко Л.Б.* О символике глаголицы в связи с проблемой древнеславянского календаря // Преславска книжовна школа. Шумен, 1998. Т. 3. С. 28–42.

[26] Такого рода памятником является, например, рукопись 1492 г. № 103 по «Описи фундаментального собрания Московской духовной академии» (РНБ Ф. 173. I). Здесь говорится: «**об азбукахъ, ими же пасха и мѧсопусты обретаютсѧ**», рассказывается о том, как по солнечному и лунному календарным кругам на основании **книжной** (т.е. азбучной!) системы «**искати христіаномъ пасхи**» — определять время празднования Пасхи, а также других подвижных и неподвижных христианских праздников.

азбука, сочетающая свойства фонографического и идеографического письма, является энциклопедией в символах.

Как целостный символ глаголический круг отражает и более древние религиозно-философские построения, в частности античную модель космоса в виде концентрических слоев вокруг центра, где космос божественности включает в себя все: «одно подвижное, другое покоящееся», в центре его категории Знания, Разума, Души. Обращает на себя внимание присутствие и в глаголическом круге символов **вѣдѣ**, **Мыслитє**, **Летитъ**, **Покои**. Но если центром Вселенной в античной космологии служит абстрактное Первоединое, то глаголическая модель мира ориентирована на центральный христианский символ Абсолюта. В божественном мире в симметрии и равновесии пребывают противоположные между собой свет и тьма, покой и движение, добро и зло, а осью, удерживающей равновесие, служат: холм вознесения (**хлъ**) — крест (**азъ**) — ведение, софийность (**вѣдѣ — мыслитє**) — вера, Церковь (**цы**).

Клоцас Дж. О тебе радуется
XVI в.; темпера по дереву

Точку соприкосновения между моделью глаголического круга и христианскими символами можно обнаружить в традиционных христианских изображениях, начиная от храмовых росписей древнейшего, катакомбного периода до более позднего искусства оформления мозаик алтаря и купола синайских, равеннских, константинопольских храмов, алтарных апсид римских церквей. Примечательно, что круг со вписанным крестом многократно изображен на гробнице Константина Кирилла-Философа в Риме, в базилике св. Климента.

Модель круга графически акцентирует главенствующую в азбуке религиозно-нравственную идею духовного восхождения к Богу на пути к Церкви как цель человеческой жизни. Она утверждает первичность для человека духовных и нравственных ценностей по сравнению с материальным миром и выражена через вертикаль, поднимающуюся от знака холма к символу Церкви: **хлъ (хлъмъ) — твръдо — земліа — азъ — боукы — вѣдѣ — мыслитє — цы.**

Имя буквы **Цы** объясняется мной как сокращенное (подтитловое) **цр҃ькы.** Форма буквы символизирует «рог спасения», так называется Церковь Христа в Библии: *Он возвысил рог народа Своего* (Пс. 148, 14); *Рог Его вознесется во славе* (Пс. 111, 9); *И воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего* (Лк. 1, 69); *Господь — твердыня моя и крепость моя ...рог спасения моего* (2Цар. 22, 2–3).

Связь этой заключенной в азбуке идеи с духовно-нравственными позициями Константина-Кирилла Философа, на мой взгляд, очевидна. Вспомним его определение философии: «Знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к богу, который учит человека делами (своими) быть по образу и по подобию сотворившего его» (ЖК).

Глаголица отражает не только философию веры, но и философию этики. Она утверждает идею добродетельного образа жизни. Ее имена образуют ключевые заповеди Библии, выраженные в азбучных именах. Показательна их смысловая связь с контекстом тридцать шестого псалма, содержащего правила добродетельной жизни: в нем символ уст Бога и Праведника сочетается с понятиями ведения, премудрости, добра, уста Бога обращены к Земле:

оуклони сѧ зъла і сътвори добро. і живи вь вѣкъ вѣкоу. праведьници жє наслѣдѧтъ землѭ (Пс. 36, 27–34).

Уклоняйся от зла, и делай добро, и будешь жить вовек..; Праведники наследуют Землю. И еще: Уста Праведника изрекают премудрость... Будущность такого человека есть мир (Пс. 36, 27–37).

В этом псалме последовательно разворачивается смысловой комплекс: «Твори добро и будешь жить вечно, наследуя, согласно закону, землю». Соотносительный смысловой ряд устанавливается и у глаголических азбучных символов.

Таким образом, мы видим в азбуке Кирилла не только совершенно оригинальную графическую систему, но и символическую модель мира, основанную на религиозных, философских, этических, эстетических, естественно-научных представлениях времени. Она не повторяет каких-либо предшествующих систем письма, хотя некоторые историки утверждают, что «всякое новое письмо подключалось к раз навсегда найденной схеме и после греческого письма в Европе не появилось ничего нового»[27]. С такими утверждениями невозможно согласиться. Любые попытки выведения глаголицы из какого-то «чужого» письма не соответствуют ни природе глаголицы, ни историческим свидетельствам о появлении письма у славян. Славянская азбука не складывалась, как греческое письмо, продолжительное время, но появилась как результат вдохновенного творческого акта, она была составлена за короткий срок, в течение которого ее буквы, как знаки литургического письма, не могли сколько-нибудь существенно видоизмениться. Наука и не располагает памятниками, которые свидетельствовали бы о постепенном преобразовании начертаний в глаголические.

Первая славянская азбука являет собой результат высочайшего интеллектуального и духовного озарения. Духовное обновление славян и их «буквенное» прозрение состоялось во время разлома старого мира, которое стало «поворотным пунктом» в развитии европейской культуры. Для славян прежде всего это было время откровения, когда Бог пришел к «своим» и «дал власть быть чадами Божиими» (Ин. 1, 12). Ситуация Богоявления и запечатлена Кириллом в глаголице. В ее символических знаках и именах были завещаны и навечно закреплены для славян слова Завета как нравственные ориентиры, как духовное напутствие.

Заключая, отметим: в статье показаны онтологические, сущностные (по сути христологические) снования символизма первой славянской азбуки, созданной св. Кириллом. Достоверность осуществленной реконструкции подтверждается всем складом древнеславянской культуры, воспринявшей основы византийских знаний — соотнесенностью азбуки с библейским контекстом, с контекстом раннехристианской культуры. Глаголическая азбука, не «укладывающаяся» в традиционные лингвистические гипотезы, рассматриваемая в контексте христианской культуры, отвечает принципам символического богословия, которые получили развитие в сочинениях отцов Восточной Церкви. Символическое содержание азбуки в полной мере отвечает и религиозно-философским идеям, запечатленным в творчестве самого Константина-Кирилла Философа (в Написании о правой вере, в текстах диспутов, в его определении философии), а также свидетельствам о славянском первоучителе, отраженным в исторических памятниках. Именно св. Константин-Кирилл, со свойственным ему синкретизмом знания, мог быть

Свв. апостолы Петр и Павел
и фрагмент поздней угловатой глаголицы
(РНБ. ОР. Глаг. 1: Зографское евангелие. Л. 43. XII в.)

[27] Такая точка зрения, в частности, характерна для И. Фридриха — см.: *Фридрих И.* История письма. М., 1979. С. 146.

автором столь глубоко и многосторонне разработанной знаковой системы.

Глаголица, как можно было убедиться, не является обычной азбукой, она глубоко продумана как символическая система христианства, система символического богопознания. Принципы ее структурной организациии, принципы знакообразования, имена букв, их начертания, порядок следования изначально подчинены идее выражения христианского вероучения. Среди немногих известных миссионерских азбук, специально созданных для перевода богослужебных текстов, она является единственной, синтезирующей свойства фонографии и идеографии и воплощающей в начертаниях своих букв религиозно-философскую картину божественного мира. Символические имена и начертания глаголицы обеспечивали возможность не только прочтения явленного славянам евангельского слова, но и мистического его восприятия, созерцания.

Библейский контекст выявляет внутреннее единство форм глаголических букв и их наименований как христианских символов. Содержательно обусловлены библейским текстом образуемые именами букв синтагмы (**Глаголъ добро ѥстъ, Людиѥ мыслитѥ, Рьци слово твръдо**). Матричные знаки азбуки образуют графически выраженный Символ веры. Их звуковые значения кодируют имя Христа, имена соотносят идею **Бога-Слова** с понятиями **Священный** и **Холм, а** начертания выражают единство субъекта **Нисхождения, Восхождения, Рождения** и **Вознесения**. Весь ряд глаголицы разворачивается в целостный христианский символ — «вселенский круг» со вписанным крестом. В нем заключена идея равновесия в мире покоя и движения, света и тьмы и удерживающей равновесие вертикали, образуемой символами Вознесения, креста, ведения, разума, веры.

Азбука — начальная символическая матрица — акцентирует идею полноты и разнообразия мира, приоритет духовных ценностей над мирскими, материальными, утверждает нравственные нормы «правой веры», принцип «твори добро» как основу благоденствия человечества. Эти главенствующие принципы сохранения жизни и культуры повторяются далее во всей древнеславянской книжной традиции. Таким образом, в качестве кирилло-мефодиевского наследия славяне получили не только церковнославянский язык, корпус переведенных богослужебных текстов и систему письма, но и четко выраженную в первой славянской азбуке символическую модель культуры, основанную на ценностях христианского миросозерцания. В силу исторических обстоятельств глаголица в дальнейшем утратила роль основной системы письма. Но, выполнив эту функцию изначально, она остается символической матрицей христианского кода культуры.

© Карпенко Л.Б.
© Карпенко Л.Б. — разработка шрифта «Глаголица», дизайн гарнитуры